

Иероним Ясинский

Фауст

Иероним Иеронимович Ясинский

Фауст

«Вечернее небо погасало, и губернский город оживился. В казённом саду загрела музыка. Встала пыль розовым облаком.

Виктор Потапыч Пленин смотрел на улицу из окна своего дома, пускал колечками табачный дым и, прихлёбывая чай, скучал...»

Иероним Ясинский

Фауст

Вечернее небо погасало, и губернский город оживился. В казённом саду загремела музыка. Встала пыль розовым облаком.

Виктор Потапыч Пленин смотрел на улицу из окна своего дома, пускал колечками табачный дым и, прихлёбывая чай, скучал.

– Виктор, ну чего ты сидишь на самом виду и без сюртука? Будет идти мимо начальник, взглянет, и нехорошо: подумает, – подчинённый это нарочно в неглиже, чтоб начальству сделать неприятность. Виктор, Витя, ты слышишь? Кому я говорю, Витечка?

Виктор Потапыч молчал. Он набрал дыму полный рот.

– Смотрит! Противно, ей-Богу! Витечка! Отчего ты не слушаешься? Послушайся меня, ангелочек! Надень пиджак. Он совсем теперь чистенький, я пятно замыла... Надень, котик, надень, буркотик!

Она подошла к нему, держа в обеих руках холщовый пиджак; он, не глядя на неё, поставил плечи.

– Надень в рукава, Витечка, будь умница! Скажите, надул щёки! Да ты спятил, что ли?

Это что за опыты? Он себе язык копит!

Ладонью она слегка ударила его по щеке.

– Послушай, Наденька, ты много себе позволяешь, – сказал Виктор Потапыч нахмурившись.

Однако, он надел пиджак в рукава и ничего не возразил, когда жена потрепала его по другой щеке.

– Витечка, отчего ты такой мешок? У всех мужья – как мужья, а ты Бог знает на что похож! Тюлень, право, тюлень! Ради Бога! Человеку ещё сорока нет, а он уже опустился, сторбился, на жену не обращает никакого внимания! Да что с тобой, Витя?

Ответа не было.

– Виктор, а Виктор! Знаешь, я приглажу твою шляпу, пойдём в сад. Пойдём, миленький, пойдём, славненький.

Пленин мотнул головой и опять набрал дыму в рот. Ему никуда не хотелось. Надежда Власьевна рассердилась и сказала:

– Я одна пойду, если так. Это из рук вон! Он сделал из меня кухарку, прачку и забыл, что он – муж. Тиран, животное! Подожди ж ты, я тебе дам знать, я встречусь с Петром Никола-

евичем и уж душой не буду, – пусть он целует мне руки... пусть!

Угрозы этого рода имели значение десять лет тому назад. Но теперь тощая косичка заменила прежние косы Надежды Власьевны, щёки впали, губы побледнели. Виктор Потапыч остался равнодушен.

Надежда Власьевна хлопнула дверь и стала наряжаться. Через четверть часа она вышла, шумя юбками, распространяя кругом запах одеколона; на её шляпке волновалось пожелтевшее страусово перо.

Не глядя на мужа, с самым строгим лицом прошла она мимо него. Он не двинулся, не сказал: «Подожди, и я с тобой!» – а молча курил и окончательно раздражил тем Надежду Власьевну.

Издали, со стороны сада всё доносились звуки музыки. Надежда Власьевна обогнула угол и исчезла, и Виктор Потапыч остался один.

Но не прошло и пяти минут, как Надежда Власьевна показалась опять. Она была расстроена, нервно сжимала зонтик и, войдя в дом, грозно хлопнула дверями в передней, за-

тем в гостиной и в спальне. С потолка упал на крашенный пол кусок штукатурки.

Виктор Потапыч нахмурился и ждал, что будет дальше. С треском распахнулись двери. Срывая с себя шляпку, перчатки, кофточку, бия костлявыми руками в грудь, Надежда Власьевна слезливо стала кричать:

– Муж! Это муж! Да ты терзаешь меня, ты заел мой век, ты – самый ужасный деспот! Из-за тебя я не знаю минуты отрадной, ты не доставляешь мне никаких удовольствий! Даже в сад с тобой нельзя пойти! Неужели же я могла одна гулять! Да за кого меня приняли бы!.. Ах, жизнь, ах, каторга! Лучше я старой девой осталась бы, я была бы свободна! Лучше я поступила бы в горничные, в экономки!..

Она упала на диван и, закинув голову, рыдала. На улице остановилась кухарка из соседнего дома, пытливо посматривая в открытые окна. Виктор Потапыч схватил стакан с недопитым чаем, хотел ударить им о пол, но сдержал себя, надел шляпу и вышел. Рыдания Надежды Власьевны стали громче, перешли в истерический хохот, и к кухарке присоединилась горничная, ещё какая-то женщина, и

ещё; так что в конце концов образовалась перед домом Пленина кучка любопытных. Надежда Власьевна, сообразив, что муж уже далеко, замолкла и, встав, заперла окна на задвижки.

II

«Вечная история!» – думал Виктор Потапыч, с немою яростью вспоминая, что целых пятнадцать лет, почти ежедневно разыгрываются в их доме истерические сцены. Надежда Власьевна вспыхивает из-за каждого пустяка. Они ссорились за обедом, когда Виктор Потапыч отказывался от другой тарелки супу, – вечером, когда он не хотел идти в гости, – ночью, когда он слишком громко начинал храпеть. Они ссорились, едва он открывал рот, и ссорились, если он молчал. Они ссорились из-за мнений, из-за вкусов, из-за симпатий или антипатий к людям. Бесчисленное множество поводов к ссорам было у них, и он видел, что в будущем их станет ещё больше.

Он направлялся бесцельно, широко шагая по пыльному тротуару. Ему часто приходилось убегать из дома, и он машинально выбирал почти всегда эту улицу. Она была тем хо-

роша, что скоро кончалась и позволяла ему оставаться наедине с самим собою. Кончалась она обрывом, по которому вилась жёлтой змеёй глинистая дорожка. Отсюда виднелся луг, с косо перерезывавшей его речонкой, которая то серебрилась на солнце, то пряталась в камышах и раскидистых деревьях.

Он сел на откосе и думал... Пятнадцать лет адской жизни кошмаром носились над ним. Он говорил себе:

– Когда я был на университетской скамье, то золотые мечты манили меня. Мне представлялось, что я сделаю что-то большое, славное. Я хотел громкого и живого дела. На прощальной пирушке в ресторане Ензена меня качали на руках, я говорил речи. Как теперь помню одушевлённые лица, лохматые головы товарищей, благородные пожелания. Улетела молодость, и мечты рассеялись, и я одинок, или ещё хуже, чем одинок. Славный деятель превратился в жалкого чиновника, живое дело – в мёртвую канцелярщину, и скука убила интерес ко всему человеческому... Я – машина, я – нуль и не знаю, зачем я существую. Я дошёл до того, что порою мне кажут-

ся смешны и неблагоприятны поступки людей, если они совершаются во имя общего блага. Я не верю в общее благо!.. Я не хочу служить – и служу, гну спину, говорю с начальством почтительно. Я утонул в пошлости, я сам пошляк. Чтоб иметь свой домик с гостиной и кабинетом, кусок послаще, да Станислава в петлице, да Наденьку, – я продал дьяволу душу. О, если б вернуть молодость! Если бы хоть пять лет вернуть!

Он вздохнул.

– И как я наказан! В числе моих товарищей был Черепьев. Он мало говорил, он казался тупицей. Любимым его занятием было смотреть по целым часам на Днепр, на звёздное небо. Мы смеялись над ним и его восторженным поклонением красоте. «Идеалист, – говорили мы, – мечтатель!» Недавно я встретил его. В его кудрях серебрится уже седина, но глаза его горят молодым огнём, все его движения напоминают юношу. Он художник и не знает скуки. Боже, он молод!

Он сжал руки и тоскливо смотрел в даль.

– Или вот этот, Ивановский... Бросил службу, стал писателем. Он живёт высшим суще-

ствованием, он славен, и до глубокой старости будет улыбаться ему жизнь. Он тоже молод. А тот, Неказистов? Генерал в тридцать шесть лет, имя его гремит в газетах, он одержал несколько побед и, должно быть, утопает в блаженстве. Нет, родится же человек в сорочке! Какая несправедливость! Одному знакомы все высшие радости, другой захлёбывается в болоте. За что?

Над равниной поднялся тонкий белый туман. Вечерняя свежесть охватила Пленина.

– Когда я сравню свою жизнь с жизнью отца, то получается поразительное сходство. Тоже он был чиновником и гнул спину, также вечно ссорился с покойной матушкой. Это уж в крови, это роковое, тут закон наследственности! И как подумаешь, что я считал отца отжившим человеком, врагом прогресса, слепцом!..

Он закрыл лицо руками.

Молодая девушка приблизилась к нему. Она с безмолвным любопытством смотрела на его склонённую фигуру. Она была высока и стройна. Чёрные кольца волос развеивал ветерок. И большие огнистые глаза глядели лу-

каво и пугливо.

Шорох, произведённый ею, заставил Пленина отнять руки. Он с недоумением глянул на девушку. Откуда взялась она?

Она была без шляпки, и её смуглая кожа имела золотистый оттенок, губы алели как пурпур. На бело-розовом волнистом платье пестрели букетики живых цветов – анютиных глазок, васильков, спелой земляники. Из тех же цветов и ягод висел веночек у неё на руке.

– Кто вы? – спросил он.

Она не ответила. Тень тревоги скользнула по её лицу. Алые губы насмешливо дрогнули.

Он смутился и не смел повторить вопрос.

Она повернулась и бегом бросилась назад. Она бежала легко как дикая коза. Он слышал шелест её развевающегося платья. Ему чудилось, что звенит её смех, нежный как соловьиная трель. И он долго смотрел ей вслед, пока не скрылась она между деревьями, там, где сгустилась вечерняя тень. Он вспомнил, что в овраге есть несколько полуразвалившихся домиков, и подумал, что эта девушка живёт в одном из них.

Но кто она? Она подкралась как привидение и так же быстро исчезла. Никогда прежде он не встречал её здесь, и едва ли она из местных. Она не крестьянка и не барышня. Она красавица, стан её не знает корсета, грудь благоухает молодостью...

Он задумчиво смотрел на равнину, которую вместе с туманом, с деревьями, с камышами, с потухающим серебром речки одевал изголуба-розовый сумрак, – и образ странной девушки стоял пред ним, заслонив собою все его недавние муки и сомнения.

III

На другой день Виктор Потапыч угрюмо писал бумагу; начальник считал её очень важною; но ему она казалась ничтожной и смешной. Он сидел за своим секретарским столом. Его каблуки протёрли на полу две глубокие борозды, деревянные ручки кресла лоснились как костыли нищего. Видно было, что долго и усердно сидит на этом месте Виктор Потапыч. Зелёное сукно на столе отрепалось и усеяно многочисленными чернильными звёздами. Чернильница из жёлтого фаянса точно свидетельствовала своим непригляд-

ным видом об убожестве мысли, черпаемой из неё секретарём.

Было тихо в управлении. Синие столбы табачного дыма золотились на солнце, перья скрипели, и только в маленькой комнате, где сидели вечно праздные ревизоры, слышался сдержанный разговор.

Из кабинета вышел начальник, высокий красивый немец с рыжими военными усами и глуповатым лицом, держа в руках фуражку и перчатки, и, как только исчез за дверями, все чиновники сорвались с мест и стали шумно беседовать. Ревизоры подошли к Виктору Потапычу, бухгалтер и его помощники образовали круг. Одни писцы продолжали сидеть в согбенном положении.

– Отправился в казначейство серии покупать! – сказал помощник секретаря, кивнув головою в сторону начальника.

– Да нет, он просто завтракать поехал, – заявил бухгалтер. – Тут сиди с девяти до двух, а он, извольте ли видеть, прохлаждается! Для него закон не писан!

– Ха-ха-ха! Известно, для кого законы не писаны.

– Дурак, – со вздохом промолвил бухгалтер, – а вот подите – управляющий!

– Дуракам счастье.

В числе чиновников был один только что поступивший на службу. Товарищи стали рассказывать ему, как их начальник требует у Виктора Потапыча несуществующие тома законов, как он лжёт, хвастаясь своим знакомством с Бисмарком, какие он промахи делает при ревизии заводов, какой он картёжник, и как вся губернская аристократия презирает его.

Виктор Потапыч сидел, откинувшись на спинку кресла; перо он заложил за ухо; большие серые глаза его смотрели на всех зло и насмешливо из-под тонких умных бровей.

Червь скуки, который его грыз, грыз и его товарищей. Они раздражались, злословили, бездельничали, потому что не знали, как иначе убить время. На службу они являлись с единственной целью как-нибудь скоротать день, и с тою же целью являлся их начальник. Начальник обманывал их, они обманывали начальника. То, что можно было сделать в час, они делали шесть часов. Когда же

и такой работы не было, они выдумывали её, и тогда писались циркуляры и бумаги общего характера, или загоралась бесплодная и ненужная переписка с другими ведомствами. Но часто дни проводились как сегодня. Начальник заказывал Виктору Потапычу какую-нибудь бумагу, уверяя, что от неё зависит судьба акцизного дела в губернии, и уходил. Виктор Потапыч брался за перо и слегка переделывал один из прошлогодних циркуляров управляющего, совершенно равнодушно относясь к судьбе вообще какого бы то ни было дела. Между тем, около его стола собирались чиновники, садились кто на стол, кто на ручку кресла, и начиналось злословие, изливание жёлчи, накипевшей от праздномыслия и безделья. И всегда злобу дня составлял управляющий. Как лакеи чернят барина, у которого служат, так чернили его эти чиновники. Они не прощали ему ни приставных воротничков, ни мытых перчаток, ни заплатанных ботинок. Им были известны все мелочи его существования. Они радовались его неудачам, его проигрышам и его ошибкам в русском языке. Однажды он написал на департаментской бу-

маге: «к куроводству» вместо: «к руководству». Эту резолюцию, сделанную карандашом, они покрыли лаком, и с тех пор, при воспоминании о ней, заливаются хохотом. Он был их враг, но вражда эта была такая же, как та, которую питал Виктор Потапыч к Надежде Власьевне. Вражда от нечего делать, вражда от скуки, ничтожная, мелочная вражда.

Сегодня Виктор Потапыч был не в ударе. Он, вышучивая начальника, назвал управление богадельней.

Ревизоры обиделись. Обиделся бухгалтер. Мало-помалу разгорелся спор. Старший ревизор, красный как индейский петух, принял начальнический тон и кричал на секретаря; младший схватил помощника секретаря за пуговицу и высчитывал, сколько ему придется ездить зимой, когда идут заводы; бухгалтер указывал на кипу ведомостей, ещё не проверенных ни им, ни его помощниками. Писцы притворялись, что пишут, и, оставаясь в согбенном положении, жадно прислушивались к спору. Всем хотелось, чтобы их считали деятельными работниками, в услугах которых нуждается государство, и чтоб только

один управляющий ничего не делал и никуда не годился.

– Сам идёт! – закричал один из помощников бухгалтера, выглянув в окно.

Моментально водворилась тишина, все кинулись врассыпную на свои места и схватились за перья; ссора кончилась.

Управляющий вошёл, держа грудь колесом, не глядя по сторонам, розовый от вина и улыбающийся. Ревизоры отправились к нему и, куря его папиросы, льстиво соглашались с его взглядами на акцизное дело. Когда он посмотрел на бумаги, поданные ему для подписи Виктором Потапычем, они перешли в свою комнату, чтоб не мешать начальнику. По дороге они остановились возле секретарского стола и дружелюбно шепнули Пленину, точно у них никогда и ссоры не было, что управляющий, кажется, тово... Тут старший ревизор щёлкнул себя по горлу. А начальник, вынув из бисерного чехольчика зубочистку, предался тому невинному занятию, которым заканчиваются, обыкновенно, завтраки и обеды. Впрочем, он успел подмахнуть бумаги. Когда пробило два часа, всё управление встало

как один человек, начиная с управляющего и кончая сторожем. Скучающие лица чиновных школьников расцвели, опять началось галденье, и когда начальник сказал: «Прощайте, господа!» – враги его низко поклонились ему, а один писец чуть не мазнул по полу своими огромными жирными волосами.

Рискуя навлечь на себя справедливый гнев Надежды Власьевны, Пленин не отправился обедать домой. При мысли о доме, в нём стыла кровь. Он зашёл в ресторан, съел обед, купил в магазине фунт конфет получше и направился за город на вчерашнее место.

Он пришёл туда, сел на откосе. Сердце его билось. Он сидел долго, в совершенном одиночестве. Речка сверкала вдали, опьяняющий аромат какой-то травы напоял воздух. Шуршали и стрекотали насекомые, кричали птицы. Седая зелень ракит мягко выделялась на дне оврага, где белели полуразвалившиеся хжины. Напрасно смотрел туда Пленин. И только когда смерклось, и в лиловой лазури замигали звёзды, ему почудилось, будто где-то близко, в траве, или в кустах, или в воздухе прозвенел мелодический смех той девушки,

но тихий и едва уловимый. Да где-то промелькнула её тень. Или, может быть, это лунный свет мелькнул на колеблющемся кусте шиповника?

Затаив дыхание, стоял и слушал Пленин. Но всё было пустынно и сонно. Он вздохнул и вернулся в город.

IV

Но он опять пришёл сюда, сказавшись больным на службе. Его влекло к себе безмолвие этой спокойной красоты, этого скромного задумчивого пейзажа, и ему казалось, что со времени встречи со странной девушкой он стал моложе. Впрочем, он не разбирал своих ощущений, – его просто тянуло на это место, и он чувствовал, что никакими силами не прогонишь его отсюда, что он схитрит, надуёт, пустится на ложь и унижится до обмана, а уж на откос явится. Он знал, что поступает несолидно, что человек, у которого седина показалась, в его положении просто смешон; но ещё раз взглянуть на девушку с венком полевых цветов и ягод представлялось ему каким-то счастьем, и лучезарное видение должно было бросить свет на его скучную, заплес-

невелую жизнь.

Ждать теперь пришлось недолго. Девушка вышла из леса и, облитая полуденным солнцем, подвигалась вдали, за речкой, то останавливаясь и нагибаясь, то приставляя руку к глазам и глядя направо, где в раскалённом воздухе синел другой лес. Она пела какую-то песню, и по временам голос её звенел, странно сливаясь с трелями жаворонков.

На равнине там и сям белел песок, и чтоб проникнуть в тот лес, девушке надо было перейти вброд речку и по песчаному полю пройти версту.

Она подошла так близко, что он, сидя наверху, видел, как в речке точно в помутневшем зеркале отразилась на мгновение её стройная фигура, босые ножки замелькали, плеснула вода, и, придерживая платье, выпрыгнула девушка на этот берег из камышей словно русалка.

Она заметила Пленина и улыбнулась. Улыбка заставила его покраснеть, и он в волнении стал смотреть в другую сторону. Но когда потом он повернул голову, девушка бежала уже далеко. По-видимому песок не затруд-

нял её бега. Толстые косы роняли вплетённые в них белые цветы; порою она оборачивалась и на бегу посылала ему воздушные поцелуи.

Ему захотелось пойти за нею. Глаза его горели от зноя красок, в каких явилась ему девушка, грудь вздымалась, кровь зажглась, и точно в двадцать лет легко и живо спустился он с откоса и зашагал по берегу.

Было жарко, но он всё шёл, иногда поднимая цветы, обронённые девушкою, полный небывалой бодрости, которую вливала в него она своими улыбками и воздушными поцелуями.

По дороге возвышался холм. Маленькие деревца – сосенки и берёзки – зеленели там и сям на холме, который казался оазисом или островом среди равнины. Речка у подошвы холма круто выгибалась, и её холодные струи проносились здесь с тихим музыкальным лепетом.

Девушка взбежала на холм и исчезла. Когда Виктор Потапыч подошёл, песок сыпался по склону холма; и, хватаясь за ветки и вереск, с большим трудом взобрался туда Виктор Потапыч. Ветерок подул и освежил его.

Он сел на земле и стал вытирать платком лицо.

– Послушайте, молодой человек с седыми волосами, зачем вы здесь?

Голос прозвучал справа. Вся фраза была сказана тихо, совсем тихо. Но от неё Виктора Потапыча так и всколыхнуло. Он радостно испугался и молчал. Улыбка застыла на его лице.

– Скажите, – раздался тот же голос слева, – вы пришли сюда за цветами или за ягодами? Вы ошиблись! Тут ничего нет, кроме можжевельника. Ах, нет! Я вижу! Вон сидит старый гриб!

Виктор Потапыч покраснел, и послышался громкий смех.

– Что это у вас в кармане? – спросил голос, и на этот раз Виктору Потапычу показалось, что он звучит сверху.

Он поднял глаза и увидел, что ветки самого высокого деревца качаются. В сквозной листве что-то белеет.

– Это конфеты, – отвечал он и, вынув бон-боньерку, раскрыл её и протянул к деревцу.

Смех повторился.

– Не надо мне конфет. Лучше купите у меня ягод. Я дёшево продам...

– Хорошо. А где ягоды?

– О, ещё надо набрать! Посидите, я в тот лес сбегаю...

– Напрасно не хотите конфет, – сказал Виктор Потапыч и закрыл бонбоньерку. – Дайте-ка я вам помогу слезть...

Он встал и подошёл к деревцу. Но там уж никого не было. Холм был пустынен. Чирикали воробьи, внизу лепетал звенящий ручей, в воздухе стоял нестерпимый зной. И деревья, кусты, цветы – всё клонило к полуденному сну, к дрёме, к дрёме, у которой мало общего с ночным забытьём, но которая всё-таки сон... с открытыми глазами.

Этот ленивый сон спустился на землю, и Пленин лежал на спине, устремив глаза в густую синеву небес. Он ждал возвращения девушки. Он спрашивал себя:

– Неужто ж я опять стал молод? Откуда эта свежесть сердца и душевная ясность? Полюбить и умереть от счастья! Полюбить грёзу, мечту, полевой цветок! Быть пошляком и сбросить с себя проклятое иго, обновиться,

потонуть в лучах солнца, в синем безграничном небе! Ничего мне не надо, кроме поцелуя этой дикой розы... Одного поцелуя... И что значит в сравнении с ним счастье Черепьева, Ивановского, Неказистова!

Его грудь сладостно ныла. Лазурный небосвод точно раздвигался пред ним, и он видел, как высоко-высоко ширял в небесах жёлтый ястреб, гоняясь за белой, сверкающей на солнце как снежинка голубкой. Он очнулся от лёгкого шороха: возле него, поджав ноги, сидела странная девушка. Она ела конфеты из его бонбоньерки, и её потрясал тихий, сдержанный смех. От этого смеха в её ушах прыгали чёрные спелые вишни, вдетые вместо серёг. На коленях лежал букетик земляники, скромные ягоды которой тонули в её пушистой зелени и в розо-палевых цветах наперстянки. Сидела она непринуждённо, чуть-чуть сторбившись, и на её грациозной шее, бронзовой от загара, чернели как смола блестящие чудно вьющиеся волосы. От её тела нёсся тёплый ароматный запах. Когда она повернула лицо, Пленин вздрогнул, увидев её глаза, наивные, горячие, молодые. Он спросил:

– Ради Бога – кто вы?

Она ответила со смехом:

– Любовь.

– Вас так зовут? Но... Кто ваши родители?

Где вы живёте?

– Какой любопытный молодой человек! – воскликнула она. – Не скажу. Ведь я не спрашиваю, кто вы.

Она лукаво взглянула на него.

– Впрочем, конфеты ваши прелесть какие, – начала она. – Должно быть, вас бояться нечего. Купите же у меня ягод!

– С удовольствием, – отвечал он с улыбкой, доставая бумажник и бросая жадные взгляды на землянику и на вишни в ушах девушки.

– Я вам отдам всё, что у меня есть, весь бумажник, а вы отдайте мне все ваши ягоды...

– Хорошо!

Смех потряс её снова, и на минуту она спрятала лицо в свои смуглые тонкие руки.

– Знаете, на что мне деньги? – спросила она, взяв бумажник и покраснев от смущения и радости. – Я давно собираю по копейке, чтоб купить козу. Папа ужасно болен, он лежит бедненький, не шевельнёт ни рукой, ни

ногой, уже другой год, и кушает только молоко. А когда нет молока, он плачет...

Она раскрыла бумажник и смотрела на деньги.

– «Виктор Потапович Пленин», – прочитала она на визитной карточке, которая находилась в бумажнике. – Вот кто вы такой!

Она рассмеялась, и взгляд её глаз точно говорил: «Ага, я узнала ваш секрет!» Виктор Потапыч почувствовал себя неловко.

– Но, разумеется, вы шутите, – продолжала она, возвращая ему бумажник. – Столько денег за горсточку ягод! Нет, это невозможно!

Виктор Потапыч тщетно упрашивал её. Она отстраняла рукою деньги и не хотела взять даже пяти рублей. Наконец, он уговорил её не отказываться хотя от мелочи.

– Ну, возьму! – сказала она. – Я буду у вас в долгу. Приходите сюда завтра и послезавтра. Я наберу вам много-много ягод. Я каждый день на двадцать копеек продаю ягод. Кушайте.

Он протянул руку к её коленям и стал отрывать по ягодке с букетика и медленно есть, не сводя глаз с чудной девушки.

– Как у вас пальцы дрожат, Господи! – вскричала она и с удивлением посмотрела на Пленина.

Он не ответил и улыбаясь продолжал молча есть.

– Вы добрый, да? – спросила она.

Он кивнул головою. Она помолчала.

– Так, пожалуй, дайте уж пять рублей, – сказала она, вспыхнув и потупив глаза, как бы испугавшись собственных слов своих.

Он быстро протянул ей бумажник, и она взяла деньги.

– Спасибо! – произнесла она шёпотом, пряча бумажку.

Виктор Потапыч почувствовал, что с этого момента между ним и девушкой знакомство стало теснее; и он уж не так робко ел ягоды.

– А если папа спросит, откуда у меня деньги? – проговорила она.

– Скажите, что нашли...

Она задумалась. Но через минуту она уже хохотала, и Пленин вторил ей; ему было весело и хорошо как никогда в жизни.

– Как славно здесь! – говорил он. – Как чудно пахнут полевые цветы! Как вы прекрасны,

Любовь! Как мне хочется ваших вишен!

Она со смехом подставила ему ухо, одно и другое. Слегка обняв воздушный мягкий стан её, он приник ртом к ягоде. Брызнул сок, и по нежной как персик щеке потекли алые струйки подобно крови.

Девушка громко захохотала, потом нахмурила брови и вдруг вскочила и исчезла за кустами, проворная как ящерица, гибкая как змея.

...Шагах в двухстах от холма, на мураве вырисовывалась светлым пятном быстро движущаяся фигура девушки. На бегу она бросала в воздух монеты, сверкавшие белыми искрами, и ловила их как жонглёр. Пленник смотрел. Она обернулась, увидала его и послала ему воздушный поцелуй.

V

«Нет, это не любовь, – думал он, – это кровь бунтует... И однако же я чувствую, что глупею, и главное – хочу глупеть, хочу совсем стать дураком, потому что глупость есть привилегия молодости... Самые радостные и самые дурацкие чувства играют во мне. Из горла песня просится, сердце бьётся, и всё я вижу

её, её... Стоит закрыть глаза – и вот она как живая. Руки у неё тонкие и должно быть цепкие, обнимают крепко и горячо. Сколько электричества в этих руках! Странная она, может быть у неё рассудок не совсем в порядке, а тянет к ней! Это не женщина, это – видение, мечта! Но как же я говорю, что это не любовь? Неправда, любовь! Её зовут Любовью! Настоящая, сумасшедшая, неожиданная любовь!»

– Любовь! – закричал он громко.

На откосе никого не было, и только эхо неясно ответило ему.

– Любовь! – повторил он в восторге, и на глазах его выступили слёзы.

И если бы кто-нибудь увидел его, то удивился бы перемене с ним. Глаза его сияли, большие и лучистые, молодой румянец покрывал щёки, стан выпрямился, волосы утратили мертвенный пыльный цвет свой. Это был юноша, преждевременно слегка поседевший, а не пожилой человек.

– Скажи, что с тобою? – спросила его Надежда Власьевна, когда он вернулся домой.

Она пытливо смотрела ему в глаза.

– Ничего...

– Ты болен, Витя?

Он промычал:

– Нездоров.

Ей показалось, что от него пахнет цветами, лесом.

– Ты на службе не был? Где ты был?

Он нахмурился.

– Ты почём знаешь? Да, не был, голова болела, я и прошёлся... ходил туда, в сад...

Он неопределённо указал рукой.

– Витечка! – начала она с мольбой, заключая его в костлявое объятие. – Не манкируй службой! Пожалей меня! Что станется со мною, когда тебя прогонят! Боже мой! Он не бывает в управлении... Да после этого я тебя сама стану провожать на службу!

– Дура! – загремел на неё Виктор Потапыч и так зло сверкнул глазами, что она испугалась.

Она приняла руки, он стремительным шагом прошёл в свою комнату.

За обедом она сказала:

– Витя, ты болен, скушай супцу с курочкой. Скушай, миленький! Ах, как я виновата, что упрекнула тебя! Дай-ка мне твой лоб!

– У тебя жар, – тревожно сообщила она.
Он молчал.

– Витя, если управляющий останется недоволен, что ты не пришёл сегодня на службу, – начала она с улыбкой и с заискивающим выражением глаз, точно Витя был капризный мальчик, которого опасно раздражать, и которого лучше уж успокоить лаской, – то я, радость моя, пойду к нему сама и попрошу за тебя. Как ты думаешь?

Виктор Потапыч захватил побольше воздуха и сжал губы.

– О, как ты смотришь, точно съесть меня хочешь! – сердито крикнула Надежда Васильевна, вся взволновавшись.

Виктор Потапыч опустил глаза и сосредоточенно принялся за еду. Он не был расположен ссориться. Он быстро успокаивался – стоило ему вспомнить Любовь.

– Не вмешивайся, пожалуйста, Наденька, прошу тебя. Ты только повредишь мне. Я сам дорожу службой, – не беспокойся!

«Да, дорожу! – насмешливо думал он, лёжа после обеда на жёстком диванчике в кабинете, выходявшем окнами в стеклянную галерею»

рею, где на верёвке сушились юбки Надежды Власьевны. – Дорожу! В голове чарующий угар, чудные дурацкие мечты... Так бы и бросил всё... Ведь живут же люди без всяких служб, свободные, счастливые! Никому не кланяться и не лгать! И вечно быть молодым, вечно любить!»

VI

Пленин стал поздно приходить в управление, порою говорил дерзости начальнику, не скрывал презрения к чиновникам. Сидя в своём секретарском кресле, он по часам ничего не делал, заложив перо за ухо. Он похудел, и это шло ему. Надежда Власьевна изумлялась, что он каждый день вздумал менять бельё и душил волосы и бороду. Сослуживцы тоже поглядывали на него с любопытством. Он как-то незаметно для себя стал щёголем. Управляющий, добрый и недалёкий немец, огорчился, когда Виктор Потапыч наотрез отказывался писать новый циркуляр надзирателям, и презрительный тон самоуверенного секретаря пугал его. «Виктор Потапыч в дурном расположении духа, – думал он, – и кажется, он хочет, чтоб я представил его к новой награде.

Без него мне трудно было бы, он у меня правая рука, я сделаю ему сюрприз». Чувствуя хмель в голове после завтрака, управляющий хитро улыбался, когда секретарь ворчал. «Ежели Виктор Потапыч получит награду, то станет вежливее», – говорил себе начальник и ждал, чем разрешится его ходатайство. И он обрадовался, когда Пленин попросился в двухнедельный отпуск.

Виктор Потапыч вздохнул всей грудью, очутившись на свободе. Он купил патронташ, ружьё; в нём заговорили Бог весть откуда взявшиеся воинственные инстинкты. Он сел на дрожки и, кивнув головой Надежде Васильевне, глаза которой были заплаканы, уехал за город. Предварительно он солгал ей, что ему дана командировка в уезд.

Он поселился недалеко от города, сейчас за тем лесом, куда Любовь ходила собирать ягоды. Там над жёлтым обрывом, среди столетних деревьев, белелся хутор солдатки Марфы. Он нанял у неё светёлку, условился, чтоб она кормила его и служила ему, и стал отдыхать на лоне природы. По утрам он рано вставал и уходил в лес слушать звонкие переливы

иволг и сам горланил какую-нибудь песню. Он жадно вдыхал лесной воздух, смолистый и свежий, и чувствовал, что щёки его горят, сердце дрожит, обновлённое и бодрое. Он сознавал, что в этой отшельнической жизни, в этом блуждании по лесу, в этой игре в охотники много смешного и «дурацкого». Но ему и было дорого, что он может вести такую жизнь, он радовался, что молодеет с каждым днём и совсем не думает о будущем.

Совсем!

Ежедневно являлась Любовь и приносила ему полную корзинку ягод. Затем вместе они уходили в бор. Он слушал, как льётся её песня, смотрел, как золотые полосы солнечного света падают на неё и мелькают на её платье, и как алеют на смуглом лице девушки странно, трагически вздутые губы её. Эти губы тянули к себе как магнит, и Виктор Потапыч бледнел при взгляде на них. Тайственная жизнь, глубокая как море, сосредоточивалась в них. Малейшее душевное движение отражалось в лёгком трепете этих губ, и в то время, когда девушка хохотала, шутила, говорила, Пленину достаточно было взглянуть на ниж-

нюю часть её лица, чтобы замереть от загадочного, непостижимого, но сладостного ужаса. Было что-то недетское, горестное и порою что-то пленительно-греховное в чудных губах. И это впечатление ещё более оттенялось наивным выражением больших, спокойно пламенеющих, но недалёких как у дикой козы очей.

Часов в пять утра, на второй день своего пребывания у солдатки Марфы, Пленин закинул за плечо ружьё и вышел.

По тропинке он спустился с обрыва. Солнце давно взошло, но ночные голубоватые тени ещё лежали в пространствах меж деревьями и на дне оврага. Пальмовидные папоротники дремали на земле в прозрачных холодных сумерках, вершины и стволы сосен были уже облиты золотистым светом, и далеко внизу над мелким кустарником таял розовый туман. Тёплое голубое небо, на котором в лесных просветах чётко рисовались там и сям изумрудно-огненные края нежной листвы, ласкало глаз. И влажный бледный запах цветов, обрызганных росой, струился в воздухе.

Кричали птицы. Пленин вспомнил свою

канцелярию и рассмеялся как школьник. Над ним кружился ворон. Он прицелился, и жертва тяжело упала на землю, сложив крылья.

Он шёл по извилистому берегу той самой речки, которая видна с городского откоса и протекает по равнине, мимо холма, где он беседовал с Любовью. Только здесь речка эта, называемая Тупец, шире, чем там, и не так быстра. Старые раскидистые ивы склонились над нею и бросают густые тени на её воды. Шуршат камыши. Изредка вылетит утка оттуда с отрывистым гортанным криком. То не видишь совсем Тупца, до того он суживается и прячется в высоких травах, то вдруг он образует род маленького круглого озера, и оно блестит как зеркало, и в него смотрятся со всех сторон деревья. Таинственно молчит природа, не шелохнёт лист. И, кажется, кто-то сейчас был здесь, круги пошли по воде... Вон за толстым сплетением обнажившихся, полужасохших корней засверкала на солнце зыбь как гранёное стекло... Послышался тихий всплеск.

Пленин остановился и смотрел с тревогой. На траве, возле платья и белья, была бро-

шена корзинка с лесной малиной, букет гвоздик. Голая красивая рука обнимала дерево, и из-за ствола виднелась часть стана; нога боязливо была протянута к воде и концами пальцев чуть-чуть касалась студёной поверхности, рассекая упругие струи и отражаясь в них. И отражение зыблилось.

Пленин узнал Любовь. Он скрылся за деревьями, чтоб не смотреть на девушку, чтоб не испугать её. Но он чутко прислушивался к малейшему шороху.

И когда она выкупалась и запела, направляясь в лес, по одной из бесчисленных тропинок, сетью покрывающих склон обрыва, он догнал её.

Она даже не вздрогнула. Она не удивилась. Лицо её осветилось насмешливой улыбкой, она продолжала петь, а он шёл за ней, не зная что сказать ей и с чего начать. Он точно в первый раз встретился с нею.

– Вы теперь в лесу живёте? – спросила, наконец, странная девушка, переставая петь и наклоняясь за ягодой.

– Да...

– В лесничих?

– Нет, я не лесничий.

Девушка подняла голову и сказала с хохотом:

– Вы – леший!

Виктор Потапыч отшутился:

– А вы – русалка.

– Вы подсматривали за мной? – торопливо спросила она, и рассерженное лицо её приблизилось к лицу Пленина.

Оба они остановились.

– Я увидел вас, – и сейчас же отошёл...

Гнев её исчез, она равнодушно промолвила:

– Мужчины все бессовестные.

Затем, помолчав, она сказала:

– Возьмите ягоды?

– Лучше вы сами принесите... Напьётесь чаю... Пойдёмте! Здесь недалеко!

– Хорошо, – отвечала девушка. – Мне всё равно... Я вам должна.

– Я ведь не один на хуторе, – нашёл почему-то нужным заявить Виктор Потапыч. – Мне прислуживает Марфа.

Они свернули в сторону. Сухие сосновые иглы трескали под ногой. Стройные деревья

слабо раскачивались. Сверху лился свет. Стояла тишина, но странная лесная тишина. Прислушаешься – и в ней поют, звенят и гремят тысячи разных голосов. Девушка вздохнула.

– Теперь лето, а потом будет зима, – начала она задумчиво, точно сама с собою говорила. – И все листья улетят. Вы зимой тоже будете здесь жить?

Пленин смутился.

– Я только на лето. Признаюсь, я ведь для того, чтоб с вами чаще встречаться, – заговорил он, и лицо его вспыхнуло. – А то я всегда в городе живу.

Она не обратила внимания на его признание.

– А вы знаете, я так козы и не купила... – сказала она.

– Мало взяли денег...

– Не то! – вскричала она. – Я солгала отцу, по вашему совету, будто нашла деньги, а он схватил и разорвал бумажку зубами на мелкие клочки и заплакал... Он подумал, что я украла!

Она обратила к Пленину лицо, и горестное выражение застыло в её губах и плачущем

подбородке.

– Ребёнок! – проговорил Пленин. – Отец не прав, и совесть ваша чиста. Стоит ли огорчаться?

Горестное выражение сменилось равнодушным как и в тот раз.

– Да, пожалуй, – сказала она. – Я чиста!

Они пришли. Старый, красной меди самовар шумел на дубовом столе и наполнял светёлку белым паром. Марфа перемывала чашки. Увидев постояльца, она ослабилась, а при взгляде на девушку сделала печальное лицо и с соболезованием подпёрла рукой щеку. Она много раз встречала её в лесу, всегда в цветах, с непокрытой головой. Она слышала, как та передразнивает птиц и поёт – то иволгой, то зальётся малиновкой, то зазвенит как жаворонок. Теперь в ушах девушки были белые цветы, и роса на них не успела ещё просохнуть, чёрные необычайной густоты волосы гривой лежали на стройных плечах, спутываясь и свиваясь во влажные кольца. Марфа заговорила с Любовью как с больной или как с блаженной. Девушка смеялась, высыпая на стол ягоды.

– Мне жаль, что я теперь даром две недели, по крайней мере, буду трудиться для вас...

– Зачем же даром? – подхватил Пленин, подвигая ей чашку. – Я не допущу этого. Приносите ягоды каждый день. Сюда вам ближе, чем на рынок. Берите, сколько вам надо, денег. Берите все. Ради Бога, не церемоньтесь и не подозревайте меня ни в чём дурном. Я просто люблю вас как... чудный поэтический сон... Не смейтесь. Я благословляю встречу с вами! Какая скучная, пошлая жизнь у меня, если б вы знали! Как я одинок! Но сделайте одолжение, кушайте чай. И вот сливки, хлеб... Пожалейте меня, – продолжал он, подсаживаясь к девушке, – и если можете, если не очень я противен вам, сдружитесь со мной.

– Вы – урод, – перебила его девушка рассмеявшись. – Вам шестьдесят лет...

Пленин грустно взглянул на неё, облитую солнечным лучом, лучезарно улыбающуюся, точно вся она была из света, и произнёс:

– Нет, мне тридцать семь. Но не в этом вопрос. А впрочем извините, что я начал такой разговор...

– Сегодня вы скучный, а тогда были весе-

лей... Тогда я подумала: «Ах, какой весёлый и любезный старичок!» Ну, нет, не старичок, вы молоденький и, в самом деле, глаза мне ваши нравятся... И мне ещё нравится, что у вас такие толстые плечи!

Пленин улыбнулся. Она слегка дотронулась до его руки своими длинными пальцами, и что-то бесконечно милое задрожало в углах её губ. Сердце его точно оборвалось, он не мог сдержать радостного вздоха.

VII

Дни мелькали, чудные, июньские, безоблачные дни, и жизнь проходила как сон.

Неделя прошла.

Однажды вечером, когда погасало солнце, Виктор Потапыч, провожая Любовь из леса, взял её за руку. Она не отняла руки. От руки он перешёл к стану.

– Милая! – говорил он, идя с нею по опушке. – Жизнь моя ничтожна, но от вас зависит скрасить её и наполнить счастьем... Вы постоянно говорите, что не понимаете меня... Да ведь это не умом понимается, а сердцем. Вот вдруг, тут, сожмётся что-то, загорится, заночет – всё становится понятно.

Но сердце девушки билось ровно; остановившись, она большими наивными глазами смотрела в его глаза, искрившиеся страстью.

– За ласку, за миг участия, – продолжал Пленин точно в чад, – я всё отдал бы вам... Бог вас знает, кто вы... Загадка какая-то... Но я жить не могу, я с ума схожу, когда не вижу вас. Что вам надо, дитя моё, слышите? Скажите, прошу вас! Жизнь вам мою надо – я и жизнь отдам! Денег, платья дорогие, браслеты... Что вы любите?

Он покраснелся, ей стало страшно. Она сказала:

– Пустите меня.

– Не пущу! – прошептал он, привлекая её к себе.

Спокойный ясный вечер медленно гас. Таяли чуть заметные облака; и янтарно-лиловые деревья, лёгкие и прозрачные, точно сторали вдали в этой ласковой атмосфере, золотыми струями переливавшейся в розовом небе, местами уже сумрачном. Раздражающе запахло цветы.

– Любовь! Доверьтесь мне, полюбите меня! – как сумасшедший говорил Пленин, сжи-

мая стан девушки.

– За что? – спросила она.

– За то, что я вас люблю дикую, глупую, – отвечал он с тоской. – Ведь вы – глупая, а я вас люблю. Я боготворю вас. Вы – бродяжка, а я за вас жизнью готов пожертвовать. Видите, у меня слёзы текут! Полюбите же меня за эту безмерную любовь, за то, что я сам теперь глупее вас в тысячу и миллион раз...

Она рассмеялась и со странной улыбкой взглянула на него – дерзкой, манящей, слегка раскосив глаза. Она молчала, и, кажется, грудь её стала дышать чаще.

Пленин приник к её руке. Но вдруг она всхлипнула и в несколько прыжков исчезла меж кустами. Он с испугом смотрел ей вслед. Она исчезла, как исчезает милый образ во сне; проснувшись, тщетно смотришь кругом сонными глазами и ловишь его в объятие: его нет.

Пустынно догорал волшебный вечер и хмуро молчали сосны, когда Виктор Потапыч возвращался к себе, сам-друг со своей неразделённой страстью.

Он думал: «Придёт ли она завтра? Она уж

несколько раз убежала этак, но сегодня она заплакала... Придёт, придёт!» – утешал он себя, большими шагами меряя колеблющийся пол светёлки.

И первый раз за всё это время ему стало скучно. Он скверно спал и поздно встал. Он глянул на окно, на стол: обычной корзинки с ягодами не было.

Он ждал весь этот день, и следующий, и ещё день. А Любви всё не было.

Он ломал руки, ходил по лесу, по всем его закоулкам, двадцать раз побывал на тех местах, где росла малина, бродил вдоль ручья, с замиранием сердца прислушиваясь к лепету воды, – стал мало есть... Он похудел ещё сильнее. Девушки не было.

Он не спал по ночам, придумывал планы новой жизни, давал мысленно клятвы бросить службу и Надежду Власьевну и исключительно посвятить себя милой девушке, которой всё не было.

С тоскою смотрел он на звёзды, и ему казалось, что это не звёзды, а слёзы. Он так скорбел, что иногда плакал как влюблённый мальчик или как поэт. Он забирался в глушь

в самый разгар полдня и, лёжа под деревом, мечтал о странной девушке, с которой он будто живёт где-то далеко-далеко, в таком же лесу, и вечно глядит ей в глаза и целует её волосы. И, наконец, он почувствовал, что болен: порою ему ясно мерещилась эта девушка. Она дразнила его, скрываясь за деревьями, пела или купалась, не стыдясь его, а когда он подходил, она ныряла и исчезала в воде, остававшейся, однако, странно спокойною. Ночью, при лунном свете, всюду видел он её светлое платье, и грациозная фигура её легко как дух носилась там и сям в серебряном сумраке, и тихий музыкальный шёпот её голоса оживлял сонный лес.

Едва забывался он, как уж являлось ему капризное виденье, неуловимое, со сладострастными губами, со слезами на глазах, с насмешливым словом, виденье всё в цветах. Просыпаясь, он погружался в томное раздумье.

VIII

Когда, чрез несколько дней, он встретил Любовь на том месте, где расстался с нею в последний раз, он подумал сначала, что это не она, а другая какая-нибудь девушка. Он

уже привык не видеть её. И грёзой он не мог назвать эту женскую фигуру. Видения его были мимолётны как мысли и неясны как полосы лунного света в лесу. А фигура эта стояла неподвижно. Руки были задумчиво опущены, и глаза не смотрели, ветер развеивал её платье.

«Это она, Любовь!» – чуть не закричал Пленнин и бросился к ней.

Она слегка повернула голову и как-то сверху взглянула на него.

– Вы не сердитесь на меня ни за что? – спросил он, снимая шляпу. – Не сердитесь, не сердитесь! Я виноват и наказан уже. Я измучился без вас... Какая жестокость!

Он хотел взять её за руку, но она не заметила его движения. Он заглянул ей в глаза.

– Что с вами?

Она молчала.

– Что вы подельывали всё это время? Вы были больны? Вы как-то похудели... Ах, отчего у вас такие губки! Не отворачивайтесь, пожалуйста! Я ничего с ними не сделаю! Я только смотреть на них буду...

И он смотрел на её губы.

В груди его бились жилы, сердце стучало. В нём проснулся зверь. С висков его скатились две капли пота, хоть жарко не было. Кругом ни души живой. Вдали за равниной в тумане рисовался город со своими церквами и ещё спал, потому что было раннее утро. Деревья уныло шумели, а по серенькому небу мчались дождевые тучи.

– Любовь, – сказал он, – теперь не убегай от меня. Если уйдёшь, я застрелюсь!

– Нет, вы не застрелитесь, – проговорила она и улыбнулась.

Глаза её осмыслились, всё лицо загорелось румянцем.

– Значит, мир? – спросил он.

Она кивнула головой и прошептала:

– Мне вас жалко.

Пленин поцелуями покрыл её руки.

– Прежде всего, не бойся меня, – страстно заговорил он. – Я тебя люблю.

– Я – дура.

– Не говори так и прости меня за то, что я назвал тебя тогда глупою. Красота выше ума. Я вот молюсь на тебя. Это я дурак, что позволил себе сказать тебе дерзость. Я обниму тебя,

не стыдись... О, какой я счастливый человек.

Девушка потупилась и тяжело дышала.

– Дай мне свои губы... Никто не увидит!..

Прозвучал поцелуй.

– Ах, что вы!..

Она рванулась, и он не удержал её. Она побежала по равнине, и он смотрел на неё безумным взглядом, судорожно сжав ружьё. Но вот она остановилась, издали бросила в него цветком, послала ему воздушный поцелуй и снова побежала. Он кинулся за ней.

Он нагнал её на вершине песчаного холма. Он задышался. Она упала среди кустов можжевельника, на песок. Глаза её наполнились слезами, она закрыла их рукой...

...

IX

Когда Пленин остался на кургане один, ему показалось, что с ним был продолжительный обморок. В ушах звенело. Солнце выглянуло и несносно пекло из-за туч. Пленин поднял голову, и ужас охватил его. Прямо виднелся откос, на котором он бывало сиживал, а на откосе стоял управляющий – он ясно различил его – и смотрел в бинокль. Возле стояла высо-

кая дама и тоже держала бинокль у глаз. Виктор Потапыч пополз на четвереньках и скрылся в кустах. Сейчас он трепетал от страсти, теперь он зуб на зуб не попадал от трусливого чувства, которое как гадина закопшилось в его опустевшем сердце.

– Сегодня срок отпуска! – внезапно вспомнил он, и холодный пот выступил у него на лбу. – Хорошо, нечего сказать! Разумеется, он прогонит меня. Он всё должен был видеть. И он видел, как я бежал за нею... Господи! Позор!

Ему стало нестерпимо стыдно, он заплакал.

– Чего добился? Ещё, пожалуй, эта Любовь сумасшедшая, и тогда совсем скандал!.. Затмение какое-то... Каково будет объясняться?.. Ведь я женат, ведь мне не двадцать лет!

Он осторожно раздвинул кусты, чтоб ещё раз увидеть управляющего; но тот вместе с дамой ушёл.

Пленин поднялся и хотел спуститься с кургана. Левее откоса белел дом на возвышении и смотрел на него двумя окнами точно двумя широко раскрытыми глазами. Из этих окон

можно было видеть его даже без бинокля. Он в страхе присел и опять пополз в кусты.

Он провёл так на кургане до самого вечера. Это была пытка, горше которой он не мог себе представить. Всюду мерещились ему любопытные взгляды, которые пронизывали скудную листву и насмешливо смотрели на него. Казалось, половина города знает, что на этом кургане скрывается Виктор Потапыч; публика, ошалев от скуки, взобралась на крыши ближайших домов, на колокольни, вооружилась подзорными трубками и наслаждается позором его. Хоть бы дождь пошёл! Но дождь, как нарочно, не шёл. Виктор Потапыч посвистывал, устремляя глаза в даль, – надеясь, что если смотрят на него, то, по крайней мере, не увидят, как он терзается. Вдруг с зубовным скрежетом он опускал кулак на землю или рыл каблуком яму в песке, задыхаясь от бесильных слёз. Пусть смотрят на него, пусть хохочут над ним. Он как Фауст захотел молодости, и вот какую цену купил он минутное счастье! Он рвал на себе рубаху, и пена показалась на его губах.

Эти вспышки отчаянья скоро проходили

и уступали место бледной, смертельной, подлой трусости. Не ручаясь за себя, он рассыпал порох, разрядил ружьё. Приходила ему мысль о Надежде Власьевне. Но – странно – он меньше всего боялся её. В нём зрело желанье загладить пред ней своё поведение, стать примерным мужем, если всё обойдётся благополучно. Но говорил он себе это и думал – не ради Надежды Власьевны, а ради себя самого и своего спокойствия. К тому же, в сравнении с огромным скандалом, который ожидал его, ссоры с женой представлялись ему ничтожными, как ничтожны были наряду с инквизиционными пытками страдания от каких-нибудь надоедливых мух. Пленин за счастье освободиться от страха, от которого он так позорно дрожал, готов был бы вечно жить с глазу на глаз с Надеждой Власьевной, вечно слушать её упрёки и жалобы, вечно умирать от скуки и не надеяться на лучшую долю.

Порою он сознавал нелепость своего страха и всё-таки не мог отделаться от него. Страх вслед затем ещё сильнее, ещё постыднее угнетал его. И, по мере того, как проходил день с ужасающей медлительностью, и город

то оживлялся, то впадал в дрему, – страх всё рос, точно на Виктора Потапыча смотрели не два, не четыре глаза, не тысяча, а десять тысяч, сто тысяч, миллион глаз, мучительно-насмешливых, смотрели со всех точек горизонта и предавали его посрамлению.

Он ждал вечера. Когда спустились сумерки, он вышел на луг, но подвигался как вор, боясь ночных теней...

Х

С утра Виктор Потапыч явился на службу. Он призвал всё своё мужество. У него был суровый вид, когда он жал руку сослуживцам. И под предлогом накопившейся массы дел, он не стал отвечать на вопросы, куда он ездил, как проводил время, доволен ли поездкой. Глядя из-под дымчатых очков, – которые он надел, потому что у него вдруг заболели глаза, – на чиновников, Пленин замечал, что они как-то особенно и значительно посматривают на него. Это страшно тревожило его. Он стал писать, и перо прыгало в его руке как у пьяницы. Старший ревизор подошёл к нему и, прищурившись, погрозил пальцем. Виктор Потапыч так и обмер.

– Что такое?

– Ничего! Вот придёт управляющий – узнаете.

– И как это вы, Виктор Потапыч, обделали всё таким манером, – сказал бухгалтер, – даже удивительно! Я от вас не ожидал. Вы либерал, вам бы, знаете, не к лицу...

Пленин сидел бледный, уничтоженный; перо сильнее запрыгало по бумаге.

– Это показалось управляющему, – произнёс он с напряжённой улыбкой. – Иллюзия... Обман чувств... Я был далеко отсюда, в глухой местности... Но простите, господа! Бездна бумаг... Некогда.

Громким смехом встретили чиновники эти слова. Со лба секретаря на бумагу упала капля пота.

Вошёл управляющий. Подчинённые низко поклонились начальнику, и ниже всех – Пленин. Управляющий сказал ему своим ломаным языком:

– Рад, что вижу вас. У меня есть к вам немножечко дела. Приходите в мой кабинет.

Виктор Потапыч хотел встать и не мог. Колени не разгибались, холод бежал по спине.

Однако, он преодолел себя и, оправив жилет, вошёл в комнату начальника точно в застенок.

– Вот бумага из департамента...

Пленин взял бумагу дрожащими руками и прочитал. Он сначала видел только свою фамилию, подчёркнутую красивою чёрною линиею. Затем он понял, что получил Анну третьей степени. Из-под его очков побежали две слезы. Управляющий был тронут и, чтобы не выдать пред подчинённым охватившего его мягкую немецкую душу умиления, закрылся ведомостью.

Пленина поздравляли, он должен был пригласить товарищей в гостиницу и поставить им две бутылки шампанского. Глаза его перестали мало-помалу болеть, и он в тот же день снял свои дымчатые стёкла.

И жизнь потянулась обычным порядком. Он аккуратно ходил на службу, писал циркуляры, восхищавшие начальника, обедал всегда дома, ссорился и мирился с Надеждой Властьевной, бывал с нею в гостях, в театре или по-прежнему скучал. Он быстро седел, желтел. Воспоминания о мгновенно вспыхнув-

шей и пролетевшей любви пугали его, и он старался не думать о странной прекрасной девушке.

Где она? Что с нею? В самом деле, не сон ли привиделся Виктору Потаповичу?

1884 г.